

Подменыш

Автор:

Джой Уильямс

Подменыш

Джой Уильямс

Перл – молодая жена и мать – теряет в авиакатастрофе мужа и остается жить с его семьей на острове. Население острова невелико: брат мужа, его странная жена, опустившийся профессор и дюжина детей. Детей ли? Джой Уильямс – номинант Пулитцеровской премии, виртуозный мастер слова и гений-мыслитель, чей роман «Подменыш» вышел в 1978 году и сильно опередил своё время. Как пишет переводчик книги Дмитрий Шепелев: «Это роман о любви и отчаянии, о женщинах и мужчинах, о взрослых и детях, о людях и зверях. Подобно жизни главной героини, он виртуозно избегает смысла, как птица – ловушки, он для этого слишком прекрасен, слишком чудовищен, слишком правдив. Эта история словно атональная симфония, шоковая терапия, стихийное бедствие – она вывернет вас наизнанку и заставит смеяться сквозь слезы. И главный жизненный урок, который вы получите: не спрашивай, за что мне это, спроси, зачем?»»

Джой Уильямс

Подменыш

Joy Williams

THE CHANGELING

Иллюстрация на обложке: Kelly Louise Judd

© 1978 by Joy Williams

© Дмитрий Шепелев, перевод на русский язык, 2020

© Livebook Publishing, оформление, 2020

* * *

Сорок лет спустя после первой публикации «Подменыш» кажется таким же причудливым и подозрительно знакомым. Читатели, впервые открывающие для себя второй умопомрачительный роман Джой Уильямс, могут с удивлением почувствовать первородное *dejà vu*; покалывание на коже головы в том месте, где во время о?но росли рога. «Подменыш» как будто напрямую обращается к настоящему времени, с его сводящей с ума жаждой духовного и угрозой экологической катастрофы, но этот резонанс кажется едва ли не случайным для глубокой, безвременной силы, таящейся в этой книге. Ведь каждая великая книга растет со своими читателями. И все-таки «Подменыш» – это что-то еще более неистовое: он порождает собственную самобытную магию, словно бы никак не связанную ни с читателями, ни с настоящим моментом. Дух, живущий в этой книге, превосходит человеческий – и намного. Наверное, критикам слегка не по себе, когда их дыхание не оставляет следов на стекле. Но читать эту книгу, надеясь узнать в ней свои черты, было бы ошибкой. «Подменыш» – это не зеркало: это окно. Оно ничуть не склонно отражать досужие драмы человеческой жизни или воспроизводить привычную грамматику человеческого мышления – и это бодрит и будоражит. Язык книги открывает портал в «холодные и недоступные глубины». Она нацелена на кардинальное перерождение.

Овидий, Шекспир, Моррисон, Бог... И Джой Уильямс вместе с ними увлечена метаморфозами и «чудовищностью спасения». Сами ее предложения заключают в себе первобытную магию. Они выходят, мерцая, из немислимых таинственных глубин и легко проскальзывают сквозь губительные сети общепринятого понимания. Героиня романа, Перл, говорит о своей жизни: «Она избегает смысла, как птица – ловушки». Критики поразительным образом обходят

стороной «Подменыша», но, возможно, такое молчание является своеобразным знаком признания книги, живущей по своим законам. Словно сказочная рыба, бороздящая воды с россыпью крючков во рту, «Подменыш» остается неуловимым.

Рикки Дюкорнэ считает «Подменыша» величайшим романом Уильямс. Кейт Бернхаймер – крестная мать и глашатай этой книги, героическими усилиями добившаяся ее переиздания в 2008 году в журнале «Фэйри тэйл ревью» – называет ее «одной из наиболее ошеломляющих и важнейших работ двадцатого века». Напрашивается желание пожурить два поколения читателей, прошедших, по большому счету, мимо столь очевидного шедевра. Но подобный прием в предисловии всегда казался мне довольно бестолковым, все равно как начинать читать лекцию точно по времени, даже если слушатели еще не пришли. Читатель, прошу занести в протокол: ты здесь.

А еще напрашивается вывод, что «Подменыш» обогнал свое время. Пространные метафоры о времени претят мне – в них непременно ощущается миссионерский дух, а также неоправданный оптимизм в отношении человеческой эволюции. Я считаю, что подобная оценка слишком льстит нашему виду. Мы никогда не «догоним» Джой Уильямс; она – это уникал, звезда первой величины. И «Подменыш» никогда не станет историей былых времен, даже через сотню лет. Это молодая история; ее ландшафт – чрево мира, ее язык неумолимо юн, и единственное, что я могу сказать о ней с абсолютной уверенностью, это что ваше погружение в нее будет совершенно непохожим на мое.

* * *

«Подменыш» открывается как история молодой матери в бегах: «В баре сидела молодая женщина. Ее звали Перл. Она пила джин с тоником и держала правой рукой младенца».

Что показательно в этом предложении: выпивка предшествует младенцу. Его зовут Сэм; ему два месяца. Мы как будто в хорошо знакомом мире, мире гнетущего однообразия: парковки и вафельные трубочки, типовой для Флориды общепит. В такой «одежке» встречают нас первые полтора абзаца романа, после чего он выразительным жестом сбрасывает ее:

За окном была Флорида. Через улицу высился белый торговый центр, перед которым выстроились белые седаны. Тяжелый белый воздух висел слоями. Перл видела их предельно отчетливо. Средний слой был сплошь сновидение и недопонимание и ответственность. Поверху вещи двигались с несколько большим апломбом и напором, а на дне было неугомонное настоящее. Оно было здесь и сейчас, оно всегда было здесь и сейчас и впредь намеревалось быть здесь и сейчас. Перл всегда сознавала это. Обычно это делало ее умеренно безвольной и нерешительной.

Это что касается первого впечатления. И тут же наш пробный набросок Перл – мамочки легкого поведения, Перл-пьянчужки вспыхивает и сгорает, затмеваясь Перл-мистиком. Уильямс знакомит нас с женщиной, пронизанной ясностью восприятия. Минута за минутой, один тающий кубик льда за другим, Перл с чудовищной ясностью сознает распадающийся момент настоящего и «всегдашнее никогда». Ее пассивность, если вам нравится такое определение, может быть прочитана как знак парализующей остроты ее понимания. Перл-мать становится Перл-провидицей, и она провидит время.

Роман Уильямс рассматривает тиранию времени. Мы живем во власти его чар, поработанные его одуряющей физикой: находясь под тяжким бременем бессодержательных воспоминаний, мы ежесекундно равноудалены от воображаемого будущего. Перл, будучи в смиренной рубашке неизбежного настоящего, вздрагивает и видит, что ее муж, Уокер, нашел ее; Уокер всегда был намерен найти ее. Если раньше Перл видела отца Сэма «своим сердцем», то теперь она приходит к ужасающей догадке, что он «скорее хирург, нежели муж, хирург, который сделает вам последнюю, неудачную операцию». Уокер пришел, чтобы утащить свою жену и сына назад «домой», на частный семейный остров в Северной Атлантике, окутанный туманами и управляемый Томасом, бледным и злобным братом Уокера. К наиболее ярким и тревожным фрагментам романа относится путешествие с материка на остров, во время которого мы чувствуем, как Перл постепенно, по кусочку, теряет свою идентичность:

Когда они выдвинулись в путь, небо начало медленно сереть, окрашиваться матовым серебром, как внутренняя сторона ракушки. Мимо них пролетел одинокий баклан, почти вплотную, цвета железа в тумане.

Время шло. Ей становилось теплее. День был на редкость бесцветным и стылым, но у нее возникало уютное ощущение. Она словно светилась, просвечивала изнутри, словно в этом путешествии в ней поселилось солнце, однако вместе с этим она чувствовала, как солнце становится чем-то другим, – вот так запросто – она понимала, что уже никогда не сможет стать тем, чем была когда-то.

Семь часов тянутся как семь дней. Число семь, «число совершенства, завершенности», сверкает то здесь, то там по всему роману, пульсируя особым смыслом. Романное действие забрасывает нас в царство животных, мифологии, область, вызывающую ощущение чего-то зловещего и потустороннего, пусть даже туда каким-то образом доходит «Атлантик». На первый взгляд дом, куда попадает Перл, напоминает «сезонный отель»: библиотека, в которой подают коктейли, теннисные корты, сауна. Над всем витают кровосмесительные вибрации и особый душок дурной наследственности. Здесь живут недобрые старые деньги, как и по всей Новой Англии; состояние дедушки Аарона нажито на ловле и свежевании животных. Но кроме того, в доме имеется диковатая свора детей; золовка Мириам, которая, подобно мифической ткачихе, сшивает обрывки чужих загубленных жизней в лоскутные юбки; зять Линкольн, ухмыляющийся онанист, который горстями ест шоколад и дробит в сауне; сестра Уокера, Шелли, пирожок с ничем, надутая и пустая; и Томас, безумный ученый, чей бич – «образование». Если вы считаете своих родственников «трудными», после знакомства с этими людьми следующий День Благодарения покажется вам непринужденной забавой.

Именно Томас – не Уокер – причина бегства Перл с острова. Томас – это «человек мира». Дети – его узники, заложники его амбиций на их счет: «Он держал близнецов и говорил с ними на французском, на латыни. Говорил с ними об Утрилло, о рыцарях, о компасах». Близнецам четыре месяца от роду. Томас не знает снисхождения. Он фарширует детей фактами, словно несчастных утят, которых откармливают для фуа-гра. Он окружает себя детьми для собственных целей. Как родными, так и приемными, сиротами. «Дюжина детей или около того», согласно настораживающе беспечному замечанию Уокера. Томас обращается с детьми, как искусный садовник – с растительностью: гнет их необузданную натуру причудливыми формами. Он прививает им «светские манеры и интеллектуальный голод». Перл с опаской признает, что он калечит детские умы. Он – взрослый. А взрослый – это тот, кто говорит: «Это не отвечает здравому смыслу», упуская из виду большую часть тварного мира.

Этот роман терзает корявый шов никогда не заживающей раны детства. Как мы узнаем в начале, «Перл никогда не могла определиться, следует ей относить себя к детям или взрослым». К концу романа становится ясно, в чей мягкий темный зрачок она втянута.

* * *

В «Подменыше», как и в большей части прозы Уильямс, ДНК ее предложений увиты спиралью рождения и смерти. Один такой лихорадочный абзац показывает нам, как Перл расщепляется надвое: она становится матерью. «Она рожала на обширном свежескошенном поле. На траве была кровь, но не обязательно ее... Ее бедра были раскинута. Ее руки были раскинута. Она собиралась родить ребенка». Позже, в сцене, отмеченной эхом ужаса и кладбищенского юмора, Перл вылетает со своего места в самолете в ночной простор. Самолет разламывается пополам. «Возможно, вот так и происходит смерть, – размышляет Перл, летящая вниз. – Ты просто раскидываешь руки и летишь домой». Болото, в которое падает самолет, кажется реальным и в то же время нереальным, «полярное сияние трав – это был Эверглейд[1 - Болотистая местность на юге штата Флорида, буквально «болотистая равнина, поросшая травой». – Здесь и далее примеч. пер.]»; Перл пробирается через стремнины, окутанные желтым дымом, где мертвые встречаются с живыми.

Перл не умирает, но ее первая жизнь подходит к концу. Овдовев в результате катастрофы, она возвращается на остров с ребенком, однако не своим. (Тем читателям, которые по понятным причинам волнуются, что я разбазариваю интригу романа, могу сказать, что им не стоит волноваться; интрига этой книги в чем-то совсем другом.) Настоящего ребенка Перл, как она подозревает, подменили эльфы. Этот новый ребенок – всем известный секрет, спрятанный «в чем мать родила». Как и в случае с безымянным моряком Мелвилла, которого мы зовем Измаил – что мы знаем о нем? Он Не Сэм.

Тем не менее Перл относится к нему все так же по-матерински. Ее захватывает мир детей на острове. «Вообще говоря, дети были словно пьяницы, всегда готовые к безудержной и бессвязной болтовне. В этом отношении Перл их более-менее понимала». (Здесь – и по всему роману – неизменно меткие наблюдения Уильямс закалывают читателя из темноты, неожиданно пробивая на смех. Часто в самые кошмарные моменты книги я начинала истерически хихикать, проветривая свои легкие. Больше прочих меня почему-то пронял вот этот

беккетовский юмор с каменным лицом: «Сэму понадобилось почти семь лет, чтобы стать почти семилетним».)

Терпите малых сих. Читатели в замешательстве: как Господь мог допустить такое до того, как придумал джин? Невинность и добродетель – не одно и то же; «Подменыш» разделяет уважение Блейка к своенравной свободе детского воображения. Уильямс самозабвенно рвет на лоскуты культурные фантазии о потерянном рае детства. Эти детки жутки и весьма назойливы. Временами Перл напоминает Гулливера, связанного лилипутами, который ворочается в дурном сне, убегая от детей вокруг бассейна. Ее хватают теплые пухлые кулачки; ее собственное имя становится пыточным инструментом: «Перл! Перл! Пыыырл!» Дети говорят на своем премудром и пугающем туземном языке. Они непроницаемы для деспотической логики взрослых. Перл любит детей, но она жаждет тишины, как кислорода.

«Дети должны бросать фрисби или типа того», – ворчит Перл, когда они вынуждают ее принять участие в их жутковатой игре. «Дети довольно-таки досаждали... Все они были маленькими вертлявыми нигилистами, и приходилось вечно защищаться от их кровожадной натуры».

Если Перл безответственная мать – это как будто даже не обсуждается – ее отказ от ответственности кажется мне ужасающе логичным, принимая во внимание ее острое понимание этого обязательства. Она слагает с себя заботу о собственной жизни; от нее зависят другие. Она дает голос страху, который молодые матери, как и люди в целом, обычно замалчивают: «Она не хотела нести ответственность за поддержание света в себе».

Следственное бремя: мы должны продолжать помнить мертвых, иначе они снова умрут. «Памятование – это воскресение».

* * *

Впервые я встретила с Джой Уильямс летом 2010 года, у вращающейся стойки с алкоголем, которая по воле заботливых организаторов литературной конференции возникала каждый раз на закате, словно поилка для колибри. Если вы читали тексты Уильямс, прошивающие разум огненной, иномирной силой комет, вас может шокировать, что они коренятся в человеческом мире. Она была и остается моим любимым автором – жалкий эпитет для человека, чья проза

заставила мои кости зацвести. Краем зрения я заметила, что прямо за мной стоит сама Уильямс. Я стала давиться существительными. Я взяла джин, но теперь и помыслить не могла хоть чем-то его разбавить.

- Просто джин? – спросил изумленный бармен.

- Да.

Я пила чистый джин с лимоном из высокого стакана. Я представилась Джой Уильямс. Мне бы хотелось пересказать вам, о чем мы с ней говорили, но джин смыл мою память; осталось смутное воспоминание о том, как я рассказываю какой-то бредовый анекдот и размахиваю руками точно марионетка. На следующий вечер Джой Уильямс снова представилась мне, словно мы впервые встретились. Я почувствовала милость судьбы; и как всякая милость – Уильямс находит немало выразительных способов, чтобы показать это в своем творчестве, – она была незаслуженной.

Перл грешит выпивкой, и не случайно ее любимый напиток джин. Вы можете увидеть в этой жажде алкоголизм, стремление найти убежище в войлочных стенах пьяного оупения. Но я вижу в этом – не то чтобы я спорила с диагнозом алкоголизма – своеобразные защитные чары. Джин – это ледяная крепость вокруг трепещущей внутренней жизни Перл, ее грез и озарений, яблочно-рдеющих знаний, «музыки одновременно внятной и непередаваемой». Я помню, как ребенком иногда притворялась больной, чтобы обеспечить себе алиби ради неистовых извивов своего ума. Находя убежище за стеной лихорадки, я могла скрывать цветущий зеленый мир от ехидства и брезгливости взрослых, от взрослой неадекватности. И похоже, что джин служит чем-то подобным для Перл. Пьянство дает ей фундамент для магии в этом романе, для ледяного преобразования обыденности. Ее опьяненный разум становится чем-то вроде плавучего дока в пределах книги, якорем которому служит ее чувство вины.

Пьянство также служит Перл защитой от тиранических нападков Томаса, эмпирика «с жестокой жилкой»[2 - Английское выражение, означающее склонность к жестокости.] (она проходит от подмышки до бедра, как считают дети). Как и его библейский тезка, Томас[3 - В английском имя Томас соответствует библейскому имени Фома.] безоговорочно верит чувственному восприятию. Тогда как Перл ошалело понимает, что стоит лишь моргнуть – и ее реальность может оказаться иллюзией; подобно Иову, она видит изъян в самом зрении: «Чувства такие ненадежные. Она не могла положиться ни на одно из

них». В алкогольном угаре Перл постигает совершенно невыносимую истину: «Все было видимостью. Все, что думал разум, что говорил язык и что чувствовало сердце».

Ближе к концу романа Томас обвиняет Перл в том, что она становится детской «юродивой». Пьянство, как и безумие, защищает пророков еретической истины от недоверия, возмущения и расправы. Если вы пьяны, никто не будет принимать вас всерьез; если вы пьяны, всегда есть надежда, что вы протрезвеете и «будете разумны». Художественное творчество проделывает нечто подобное. Внутри батисферы романа читатели входят в контакт с тьмой, которую в ином случае наш испуганный разум мог бы отвергнуть. Как ни парадоксально, но непрерывное пьянство Перл заземляет «Подменыша». Оно примиряет нас с узнаваемой хронологией, с циклом действий и последствий: в стаканах тают кубики льда, разум расправляет и складывает свои крылья, хмельные ночи и похмелье по утрам. Кроме прочего, это нас обезоруживает. Я думаю, что мы, читатели, более восприимчивы к определенным отрезвляющим истинам потому, что Перл пьяна.

«Перл всегда подозревала, что вселенную создала некая сверхчеловеческая сила для чего-то, по большому счету, недочеловеческого».

Вот черт! От такого у кого угодно в горле пересохнет.

* * *

Как можно сказать хоть что-то о «Подменыше», не допуская кощунства по отношению к его глубокой тайне, его благоговению перед невыразимым, к животному сердцу творения? Обыденные критические подходы кажутся превратными в отношении того света, что изливается с этих страниц. Как и в отношении тьмы.

Я читала этот роман, когда моему сыну было четыре, и пять, и шесть месяцев. Вот как медленно я его читала, делая глубокие вдохи между абзацами. Для меня это была пора глубокой тишины, время тихих напевов. В моем теле поселился страх и трепет. Мы совершали вместе долгие прогулки, мы с младенцем, завернутые в одно пальто. Сквозь снежную завесу к нам подскакивали собаки, обнюхивая и облизывая моего сына; они признавали его своим сородичем, животным среди людей. Я получала благонамеренные письма из больницы:

«Когда же кончатся подгузники?», «Общие проблемы тазовой диафрагмы», «Самый главный человек для вашего младенца: Вы!»

«Да уж, да уж», – думала я. Казалось, нет такого языка, который мог бы выразить тот космос, что открылся во мне, когда я рожала сына. Но затем я прочитала «Подменыша».

Это было холодное и лихорадочное время, февральский свет в Портленде, когда казалось, что я занята с ребенком круглые сутки, а время слетело с катушек, отчего наш сын удвоился в размерах за три месяца, но иногда время словно замирало, так что я различала на слух каждую каплю, образующую голубые сталагмиты внутри пещеры настоящего момента. 5:02 утра. 5:03 утра. Я была одержима неистовой радостью. И почти все время чего-то боялась. А еще мне снились сны.

Я никогда не говорила об этих снах ничего конкретного, сознавая, что полночное видение, высказанное в стенах больницы, немедленно становится симптомом.

Я боялась, что врачи попытаются притупить лекарствами восприимчивость моих новых щупальцев; я боялась исказить это невыразимое понимание, попытавшись высказать его. И знаете, я все еще этого боюсь. Я ощутила в себе безумие любви.

Иногда врачи говорят об этом ощущении так, словно это временное помешательство – «грудная хандра» – и вскоре мать от него излечится. Уокер сам ставит такой диагноз, цинично вешая на Перл ярлык глупой мамочки, управляемой гормонами, истерящей по любому поводу. «Твой мир ограничен телесными побуждениями и отправлениями, – говорит он. – Ты ничего не понимаешь». В дальнейшем Томас обвиняет ее словами, которыми люди мира, здравомыслящие люди, с давних пор клеймят женскую логику: «Чокнутая. Сука». Я считаю, в этом есть что-то крайне высокомерное, в таком понятии, как «грудная хандра». Трепетный страх, следующий за деторождением, заслуживает большего почтения. Подобно Перл, другие матери также могут слышать шум прилива «вечно-текущего» настоящего. Они знают, что даже при наилучшем раскладе время заберет у них все.

«Для Перл дети никогда не олицетворяли разумное начало. Дети выросли. Они исчезали, не умирая».

«Мой малыш. Прошу вас, у меня был малыш. Прошу вас, верните моего малыша. Он был у меня в руках».

«У меня всего лишь нервный срыв», – заверяет себя Перл в больнице, потеряв Уокера и своего ребенка в болоте, окутанном желтым дымом. Это что-то говорит о нашем человеческом уделе – что безумие было бы утешением в таком переплете.

Врачи допускают ошибку, разыскивая источник депрессии внутри женщины, а не во внешнем мире.

* * *

«Когда-то, на заре времен, человек мог стать животным по своему желанию, а животное могло стать человеком».

Дети – это дети, поскольку они существуют на заре своего времени, в долгий предрассветный час, когда еще ни время, ни смерть не пустили корни в их сознании. Несмотря на то что генетически они обусловлены вплоть до ногтей, каждой своей клеточкой, сформированной за тысячелетия эволюции, они живут в своих телах с такой легкостью, не обремененные воспоминаниями, не обузданные правилами приличий. Перл воспринимает взросление как потерю под видом прогресса, как изгнание, отделяющее человека от животных: «Тайное общество детства, исключение из которого знаменовало начало смерти». Часть боли «Подменыша» состоит в ощущении бега времени. Время осмотически пропускает этих ребятишек через свою мембрану, превращая их в нечто, подобное нам, во взрослых, скованных хрупкими панцирями своих эго.

Что это может значить – стать недочеловеком? Стать подобным ребенку, животному?

В заключительной трети «Подменыша» собирается буря, ужасающая и неминуемая перемена, нарастающая в атмосфере острова. Она обещает полное уничтожение и жестокое перерождение. Томас, при всех его собственнических разглагольствованиях о своих юных питомцах, фатальным образом недооценивает их. Именно дети указывают Перл дальнейший путь, а не наоборот. Им присуща переменчивость.

Могла бы она быть как одна из них? – задается вопросом Перл. «Она надеялась на это. Внутри нее тоже было животное, детеныш, клубочком обернувший ее сердце, верующий зверь, познавший Бога».

* * *

За несколько месяцев до рождения сына мы отправились в Игл-Крик – как и каждую осень в Орегоне – смотреть на нерест лосося. Лосось спаривается среди макабрических останков своих предшественников, мертвой и гниющей рыбы, иногда истлевшей до лиловой прозрачности. На отмелях поблескивают серебристые костюмы. Вот где жизнь разоблачается.

Каждый раз, как мы добираемся до вершины реки, меня снова поражает зрелище призрачных кожиц, проплывающих мимо охваченных страстью парочек, мимо самочек, мечущих икру. В тот раз я долго смотрела на это. Медленно, до нелепости медленно ко мне приходило понимание: жизнь вылупится из меня и ринется в будущее, приняв форму нашего сына.

В больнице я вспоминала, как из воды выскакивают большие лососи, их хвосты мельтешат над валунами. Сотрясаясь в спазмах на узкой койке, я усвоила, что жизнь так же непреодолима, как и смерть. Мое конвульсивное тело постигло это в момент рождения сына. Смерть придет, такая же неотвратимая и неумолимая, как и все, что случается во сне. Но жизнь продолжится.

«Однажды, – признается Перл, – она подумала, что сошла с ума и что может выздороветь. Она подумала, что должна стать собой. Но не было никакой “себя”. Были просто сны, которые ей снились, сны, готовившие ее к сознательной жизни... Дети тоже жили своей жизнью, новыми формами, которыми свершится будущее».

«Подменыш», как никакая другая из прочитанных мною книг, озарен искрой жизни, жизни под тысячью шкур. Ее мудрость невозможно пересказать. Перерождение, как обнаруживает Перл, можно только пережить на собственном опыте. «Тебя послали сюда, чтобы спасти меня?» – спрашивает Перл Сэма, подмененного сына, охваченная ужасом от мысли об условиях такого спасения. Перерождение – это смерть и возрождение.

Карен Расселл, 2018

Дальше, чем кровь или кости,
дальше, чем хлеб;
за возлияниями, пожарищами
знай себе летишь.

Знай себе летишь один, уединенно,
один на один с мертвыми,
один на один с вечностью,
без тени, без имени, знай себе летишь,
без сладостей и рта, и зарослей роз,
знай себе летишь.

Пабло Неруда

* * *

Глава первая

В баре сидела молодая женщина. Ее звали Перл. Она пила джин с тоником и держала правой рукой младенца. Младенцу было два месяца, и его звали Сэм.

Бар был не так уж плох. Рядом с женщиной сидели вполне приличные люди и хрустели вафельными трубочками. Бар обещал спасение от жары, и это были не просто слова. В центре витрины висел полярный медведь из искусственного хрустала. За окном была Флорида. Через улицу высился белый торговый центр, перед которым выстроились белые седаны. Тяжелый белый воздух висел слоями. Перл видела их предельно отчетливо. Средний слой был сплошь сновидение и

недопонимание и беспокойство. Поверху вещи двигались с несколько большим апломбом и напором, а на дне было неугомонное настоящее. Оно было здесь и сейчас, оно всегда было здесь и сейчас и впредь намеревалось быть здесь и сейчас. Перл всегда сознавала это. Обычно это делало ее умеренно безвольной и нерешительной.

На ней было дорогое платье, однако заляпанное и не по погоде. Она была без багажа, но с немалыми деньгами. В то утро она только прилетела с севера и заселилась в отель чуть больше часа назад. Она сняла одноместный номер. Служащие поставили кроватку для Сэма. Когда они спросили ее имя, она ответила, что ее зовут Туна[4 - В английском слово «Tuna» имеет несколько значений: тунец, плод кактуса нопаль и женские гениталии.], что было неправдой.

- Туна, - повторил служащий. - Это, несомненно, необычное имя.

- Да, - сказала Перл. - Я с детства его ненавижу.

Отель был вблизи аэропорта. Вблизи аэропорта сотни отелей и частных квартир; тем не менее Перл не могла отделаться от ощущения, что поступила чересчур предсказуемо. Она была впервые в этом городе, но чувствовала, что это предсказуемый выбор для беглянки. Она съедет отсюда завтра и углубится в дебри города. Возможно, найдет гостиницу для туристов. Там будут черные шторы и терраса по периметру. На террасе будут сидеть добрые дородные женщины, поедая с тарелок лаймовые пироги. Она станет одной из них. Она состарится.

Она почувствовала, как ей прожигает спину взгляд Уокера. Его хитрый и молчаливый взгляд. Перл ощутила спазм в животе. Она резко обернулась, но ничего не увидела. Младенец проснулся и глухо замычал.

Перл заказала еще джина с тоником. Официантка почему-то не расслышала ее.

- Что? - сказала официантка.

Перл подняла стакан.

– Один джин с тоником, – повторила она.

– Разумеется, – сказала официантка.

Перл часто мямлила и выражалась неясно. Нередко людям казалось, что она намекает на что-то, иносказательно, хотя она не думала ни о чем таком. Слова давались ей с трудом, она в них вечно путалась. Как-то раз дети ей сказали, что небо называют небом потому, что его настоящее название слишком ужасно. Перл чувствовала, что знает все ужасные слова, но ни одной их замены. Именно субституция делала возможным культурное общение. Всякий раз, как Перл отваживалась на культурное общение, у нее выходила какая-то белиберда. Ей никогда не удавалось найти подходящие эвфемизмы. Уокер говорил ей, что смерть – это эвфемизм. Но, так или иначе, стук в дверь, посланник, гость у порога не всегда означают смерть, не так ли?

Перл так считала; пожалуй, что да.

Официантка принесла ей джин с тоником. Это была приятная девушка с короткими светлыми волосами и серебряным крестиком на шее. Ставя напиток на столик, она чуть наклонилась. Перл уловила легкий запах кошачьей мочи. Нехорошо так с моей стороны, подумала Перл беззлобно. Вещи во Флориде иногда пахли кошачьей мочой. Из-за растительности.

– Почему вы носите крестик? – спросила Перл.

Девушка взглянула на нее с легкой неприязнью.

– Нравится по форме, – сказала она.

Перл такой ответ показался грубоватым. Она вздохнула. Она начинала пьянеть. Ее скулы порозовели. Официантка вернулась к бару и стала разговаривать с молодым человеком, сидевшим за стойкой. Перл представила их в какой-нибудь замызганной комнате после закрытия, как они раскатывают тесто по своим телам и поедают его в каком-то буржуазном ритуале. Перл растопырила пальцы и подперла скулу. Ее мучило чувство вины и досады.

Кроме того, ей казалось, что она сделала глупость. Она убежала из дома, от мужа. Она взяла своего младенца и украдкой, тайно заказала билет на самолет. Она села в самолет и за три часа проделала тысячу двести миль. Такой маневр был необходим! Организация! Дома, на острове мужа, с ней всегда кто-нибудь говорил. У нее больше не было сил терпеть это. Она должна была начать новую жизнь.

Иногда Перл думала, что вовсе не хочет начинать новую жизнь. Она бы хотела быть мертвой. Перл чувствовала, что мертвые продолжают вести существование, весьма схожее с их прежними мучениями, только более блеклое и однообразное, не такое шаткое. Она пришла к такому взгляду на смерть после долгих размышлений, но это не дало ей ни малейшего облегчения.

Перл беспокойно прикладывалась к стакану. До недавнего времени она, можно сказать, не пила. Она напилась один раз, когда ей было четырнадцать, а за прошлый год она пила, наверно, дюжину раз – за весь год.

Когда ей было четырнадцать, она выпила с рыжим мальчишкой почти пол-литра джина из бутылки 0,75 в заброшенной купальне дождливым летним днем. На ней был свитер поверх забавного купальника в ромбик. На стене купальни кто-то нацарапал «МАНДАВОШКА». После того как они выпили джин, рыжий мальчишка разлегся на ней, прямо в одежде. Выплыв из забытья, она не могла решить, можно ли это считать вступлением в половую жизнь. Она поспешно вернулась домой и приняла горячую ванну, очень горячую. Ничего не болело. Она все лила и лила на себя горячую воду. Она думала, что беременна. Когда же выяснилось, что это не так, она стала бояться, что бесплодна. Она была уверена в этом до некоторых пор. Теперь она убедилась, что не бесплодна. Теперь у нее был этот младенец. Ей дал его Уокер.

Она снова взглянула на Сэма. Вид у него был зачаточный, но цветущий. Он был младенцем. Ее младенцем. Все говорили, что он идеален, и это было так, действительно славный малыш. У него были темные волосики и умилительная родинка в форме полумесяца, знак его уникальности. Шелли, вернувшись на остров со своим младенцем, сказала Перл, что рожать – это как высрать арбуз. Перл никогда бы не выбрала столь отталкивающий эпитет, но она тоже чувствовала, что деторождение – это крайне неестественный процесс. Выродив Сэма, она ослепла на полтора дня. Ее слепота не была темнотой. Нет, ее слепота просто убрала все привычные ей вещи – комнату, которую она делила с Уокером, вид на луг, все их лица и очертания – и заменила вредными заблуждениями.

Она представляла, что ребенок родился мертвым и вернулся к жизни только от яростного крика Уокера. Уокер был мужчина волевой, заметный, одаренный. Перл вполне допускала, что ему по силам такое.

Перл отметила, что смотрит уже не на младенца у себя на коленях, а на затылок официантки. Официантка медленно повернулась к Перл. Перл подняла руку. Официантка на миг задержала на ней взгляд, а затем сказала что-то бармену. Бармен потянулся за вымытым стаканом и стряхнул с него капли воды. Взяв бутылку джина, он наполнил стакан.

Перл опустила руку не сразу, а провела ей по волосам.

Завтра она подстрижется и попробует изменить внешность. Завтра она забудет прошлое и будет думать только о будущем. Вчера было частью всегдашнего никогда. Завтра был Хэллоуин. Она видела плакаты в аэропорту. Там намечалась вечеринка для престарелых. Завтра Перл намеревалась приложить все усилия, чтобы втиснуть гигантский реальный мир на место.

Официантка принесла джин и тоник и поставила их рядом с прежними, почти нетронутыми. Перл начала их пить. Ее обручальное кольцо, золотое, стукнуло о стекло. Это кольцо было частью всегдашнего никогда. Она попыталась стащить его с пальца, но не смогла. Всегдашнее никогда было миром семьи Уокера, внутренним миром, который она покинула, – дом на острове. Солнце за окнами продолжало сиять с упорством маньяка. Неужели ему еще не пора закатиться? Ее руки дрожали. Руки были самым уродливым в ней. Угловатые и не по годам морщинистые. Она уставилась на них и неожиданно представила, как держит расческу и расчесывает Уокера.

Уокер ее найдет. Она вдруг поняла это. А если не Уокер, так Томас уж точно.

Томас, брат ее мужа. Человек мира. Человек крайностей, гнева, амбиций. Они с Уокером были очень похожи. Цвет кожи и вес у них совпадали. Густые волосы, губы... Разница, конечно, была в том, что Уокера Перл видела сердцем. И все же как-то раз Перл так неловко ошиблась. Она приняла Томаса за Уокера. Вскоре после того, как она прибыла на остров, поздним вечером, на лестничном пролете за дверью их спальни. Он стоял к ней спиной. Смотрел на книжные полки.

- Ты скоро идешь в кровать? - спросила она, коснувшись его руки.

Томас обернулся и посмотрел на нее, отстраненно, иронично, без следа любви, и мягко проследовал мимо, ничего не сказав. Она была благодарна ему за такую деликатность, но вернулась в свою комнату, дрожа и потев от страха. И сидела там, глядя на разные предметы интерьера, не в силах постичь их назначения или способ применения - страх сковал ее, спутав желания и основные понятия. Лампы, шкатулки, фотографии, емкости с таблетками и ароматами. К чему все это? Что представляли собой лица вещей? Что именно ей следовало узнавать?

Когда ближе к ночи открылась дверь в спальню, Перл крепко закрыла глаза.

- Уокер, - сказала она, - я увидела Томаса перед этим в холле и подумала, что это ты.

Мужская фигура приблизилась и нависла над ней. Перл подняла руку и коснулась гладкой кожи груди.

Она услышала голос Уокера:

- Разница между Томасом и мной в том, что он не нуждается в женщинах.

Такое замечание не принесло Перл ощущения, что с ней намерены считаться. Она не хотела, чтобы хоть кто-то из них в ней нуждался. На острове была дюжина детей, или около того, и пять взрослых. Томас, Уокер, Мириам и Шелли - они составляли семью. И был еще Линкольн, муж Шелли. Когда-то он был ее учителем в колледже. Судя по тому, что о них говорили, Шелли его похитила.

Перл полагала, что ее в каком-то смысле тоже похитили. В этой семье, несомненно, все делалось не как у людей. Малыш Шелли был всего на несколько дней старше Сэма. Его называли Трэкером[5 - Англ. «Tracker» может означать следопыта, инспектора или буксир.], что казалось Перл довольно нелепым именем, хотя она считала, что Шелли таким образом хотела польстить Уокеру[6 - Англ. «Walker» может означать посыльного, скорохода или ходунки - букв. «тот, кто (то, что) ходит».]. Шелли уехала из дома в школу и вернулась с мужем и ребенком. Линкольн был напыщенным типом, начинавшим сопеть всякий раз, как считал, что высказал веский довод в разговоре. Чем именно жил Линкольн, оставалось неясным, но одно про него можно было сказать наверняка: он

взрослый. Перл никогда не могла определиться, следует ей относить себя к детям или взрослым. Вершки или корешки, если так можно выразиться.

Перл отпила свой джин.

Она проводила с детьми большую часть времени. Они всегда выискивали ее и наперебой говорили ей что-то. Перл чувствовала, что они склоняют ее к пьянству. Но это было в порядке вещей. Они ведь были детьми. На самом деле они ей нравились. Что заставило ее покинуть остров, отчего она почувствовала, что не выживет там больше ни дня, так это Томас.

Перл не хотела, чтобы ее маленький Сэм подвергался влиянию человека, способного сломать детский разум, словно веточку. Она винила Томаса в том, что случилось с Джонни. Никому другому, похоже, не приходило это в голову, но Перл не сомневалась в его причастности. Джонни был чувствительным ребенком, и Томас с ним переусердствовал. Томас считал Джонни талантливым и вознамерился развить его таланты. Что любил Джонни – это персики, ракеты из бутылок и сидеть на табуретке на кухне и помогать своей маме, Мириам, печь пирожки. Он был милым мальчуганом, мечтательным и впечатлительным, но с простыми потребностями. Он не смог освоить весь тот хлам, что Томас обрушил на его голову.

Джонни было шесть лет, но когда Перл последний раз зашла к нему в комнату и взглянула на кровать, она увидела вовсе не шестилетнего мальчика, а белую массу, напоминавшую поднявшееся тесто, в которое всунули лицо на сотый день после закваски.

Когда Перл последний раз зашла в его комнату, она увидела муравьев. Сотни муравьев маршировали стройными рядами. Мириам тоже их видела. Мириам сказала, что причин для тревоги нет. Разве к Мидасу в детстве не приходили муравьи, кладя ему в рот пшеничные зерна? Разве насекомые не слетались к Платону в младенчестве, садясь ему на губы и тем самым признавая в нем великого оратора? Перл покрылась потом. Перл не знала, что сказать.

Джонни начал умирать – или как еще это назвать – два месяца назад, в августе. В августе родился Сэм. И тогда же, в августе, отмечали день рождения. Дети всегда празднуют свои дни рождения вместе. На дне рождения Джонни объявил, что чувствует себя обитаемым. В нем обитают сотни. В его теле были

клетки – и все сильнее, чем он сам. Он не мог обеспечить им порядок. Он не мог обеспечить им довольство. Посреди застолья Джонни ушел, лег в свою постель и больше не вставал. Он лежал, спрятав лицо в подушку, и его бедное тельце было словно семейное кладбище, на котором покоились несколько поколений предков.

У него были прекрасные глаза. Пока на него не нашла эта блажь, он был вполне нормальным, поглощал шоколадных кроликов в правильное время года, учился плавать под парусом, рисовал акварелью и тому подобное, глядя на все своими прекрасными и властными глазами изысканного фиолетового цвета, каким бывает море на некоторых глубинах.

Когда он заболел, он стал говорить, что может видеть, как по венам вещей течет кровь. Он утверждал, что может оживить птиц и бабочек, и животных из книжек с картинками, заставить их сойти со страниц, оставив после себя дыры. Он утверждал, что способен на это, только он боялся.

С этим ребенком перемудрили. Он читал с четырех лет. Они все читали с четырех. Его волновали ядерная энергия, и вулканы, и глухота Бетховена. Его волновали люди, писавшие Мириам письма, в которых они рассказывали об ужасных вещах, случившихся с ними. Томас поощрял в нем эти волнения, поскольку считал, что они обостряют разум. Томас говорил Джонни, что для него нет ничего невозможного, стоит лишь как следует приложить свой разум. Разве Ури Геллер не мог заставить бутон розы распуститься одной лишь силой мысли? Разве Христос не заставил фиговое дерево засохнуть одной лишь силой своего недовольства? Ну а теперь Джонни прилагал свой разум к чему-то наподобие смерти, а Томас занимался тем, что калечил умы других детей. У Мириам были четырехмесячные близнецы, Ашбел и Фрэнни, и Томас, вероятно, обрабатывал их, прямо в этот момент. Томас любил малышей. Он держал близнецов и говорил с ними на французском, на латыни. Говорил с ними об Утрилло, о рыцарях, о компасах. Томас любил малышей. Он любил детей. Когда они становились подростками, он отправлял их в школу-интернат и забывал о них.

Сидя в баре, она вдохнула воздух, словно пробуя на вкус свободу, и чуть закашлялась. Она всунула палец в кулачок Сэма. Ей нравился ее малыш. Она была рада, что они вместе, одни. Она была рада, что никому из них больше не придется видеть Томаса. Однако она допускала, что малыш мог соскучиться по своим братикам и сестричкам. И по отцу. Сама Перл не особо скучала по Уокеру. Пусть когда-то она видела Уокера сердцем, но теперь с этим было покончено.

Перл мало знала Уокера и поэтому старалась, как могла, видеть его сердцем. Он почти не появлялся на острове. Она не знала, чем он занимался. Возможно, он просто водил женщин по ресторанам и спал с ними. За месяцы беременности ей часто хотелось, чтобы этим ограничивались его планы на ее счет, вместо того чтобы увозить ее назад к своим родным и жениться на ней.

Это казалось необязательным.

Она могла бы родить от него, но не проводить на острове этот одинокий год, когда ей казалось, что она там единственный адекватный человек.

Сэма она собиралась растить в тишине и спокойствии. Она не позволит ему играть в вопросы и ответы. Она будет все покупать в магазине, с гарантией. Когда он заболевает, она вызовет врача.

Даже когда Джонни похудел до восемнадцати фунтов[7 - 18 фунтов = 8,16 кг.], Томас не стал вызывать врача. Он привез психиатра. Перл подумала, что это все равно, что обратиться к шаману. Психиатр прибыл на остров в велюровом спортивном костюме и пространно рассуждал о любви, ярости и триумфе фрустрации. Психиатр пришел к выводу, что Джонни - очень упрямый, сердитый, даже опасный мальчик.

Мириам расплакалась. Они все понимали, что Джонни упрямый. Он всегда получал все, что хотел, стоило ему направить на кого-то пристальный взгляд своих прекрасных глаз. Но в этом как будто не было ничего плохого. Это никому не приносило вреда. Что же касалось вывода о том, что Джонни сердитый и жестокий, - как мог хоть кто-то, и прежде всего Мириам, поверить в такое? Для Мириам он был ребенком, засыпавшим в ее белой постели после дня на солнце, таким благоуханным, с крохотными ракушками, приставшими к его пятой точке.

При мысли о плачущей Мириам у Перл навернулась слеза. Бедная Мириам. Перл так и видела, как она сидит у кровати Джонни, пытаясь поговорить с ним, вернуть его к жизни, увести с темной детской тропы.

Бедная Мириам. Она говорила Перл, что сидит в комнате Джонни и видит весь кавардак в его бедной голове. Она чужла запах секса, и смерти, и пирожков, говорила Мириам. Шлепки совокуплений и пощечин были великолепны. Выверты барочного характера. Крики и скольжение, глупый смех и жалобы. Младенцы и

сказочные животные. Старики. В комнате Джонни было темно, но люди в его голове были прекрасными светящимися облаками, очерченными текучими золотистыми линиями. Тьма, как сказала ей Мириам, была только на тропе. Детской тропе. Темной.

Перл взяла в рот вафельную трубочку. На вкус она была как салфетка. Мириам делала восхитительную соломку. Возможно, Перл никогда уже не попробует приличную соломку. Мириам готовила лучше всех, кого только знала Перл. Она любила печь и готовить. Если бы не она – все это понимали – дети питались бы одними растениями и ягодами. Она любила готовить. Она никогда не уставала от этого. Собирать, выбирать. Свежевать, шинковать, натирать. Единственный раз, когда она допустила оплошность на кухне, это когда ее муж, Лес, бросил ее, за неделю до рождения близнецов. Она положила в бешамель сахар вместо соли.

Лес был балбес. Он работал садовником. Они нашли его, когда отдыхали всей семьей на курорте Си-Айленд, у побережья Джорджии – вскоре после этого Томас решил, что им больше не следует отдыхать. Лес был недотепой с крупным приятным лицом, хорошим аппетитом и пограничным расстройством. Мириам не баловала его вниманием. Она была слишком занята шитьем, готовкой, покупками. Как же Мириам любила ходить по магазинам! Она приближалась к супермаркетам, сжав зубы от восторга. Перл всегда побаивалась супермаркетов. Мириам представлялась ей матерым конкистадором, вторгавшимся на вражескую территорию, безошибочно находя идеальный цикорий, безупречные персики, превосходный сыр... Мириам призналась Перл, что была рада, что Лес оставил ее. Она сказала, что у него есть бизнес, блестящий, как морковь.

Перл взглянула на влажные круги от ее стакана на пластиковом столике. Она переложила Сэма поудобней. В столешнице была трещина, в которой застрял волос. Перл накрыла его салфеткой. На салфетке были нарисованы животные за выпивкой и картами. Перл накрыла салфетку рукой.

На стене в комнате Джонни висела картина, которую подарил ему Томас. Это была мужская голова в профиль, составленная из голов и тел животных. Арчимбольдо. Все дети считали картину жутко остроумной. Они завидовали Джонни. Джонни обожал Томаса за такой подарок. Перл эта картина вовсе не казалась остроумной. Она казалась ей отвратной. Это была страница, вырезанная из альбома по искусству. Оленьи рога, слоновье ухо и бивни, звериные ляжки, хвосты, зубы... составляли человеческую голову. Мясистый нос

представлял собой кроличью спину, волосы – клубок звериных морд с рогами, глазом служила приоткрытая волчья пасть. Неудивительно, что Джонни снились кошмары, если эта фантазмагория была последним, что он видел перед сном. Вместо кадыка лоснилась бычья ляжка... Очень остроумно, подумала Перл.

Бедный Джонни. Перл не могла вспомнить, как он выглядел. Иногда память ее подводила. Перл всегда казалось, что ее разум похож на мелкий бассейн, дно которого покрыто большими листьями, постепенно преющими. Или это Томас так сказал? Так грубо.

Вообще-то помнила она достаточно. Больше, чем хотела бы. Она помнила, как в гостиной стоял психиатр, пока Мириам заламывала руки, и говорил: «Ваш ребенок в ужасе перед реальной жизнью, потому что боится, что если сделает выбор в пользу реальности, это немедленно обострит риск катастрофы».

Она помнила, как Мириам однажды призналась ей, что пробовала шлепать Джонни. Она надеялась, что это поможет, но в этом было что-то жуткое, так что она почти сразу перестала и принялась укачивать его. Его бледные косточки колыхались под ее тревожными руками. Она баюкала его и прижималась лицом к его горячим спутанным волосам. Все казалось неправильным. Она расчесывала его волосы своей расческой, надеясь, что это приведет его мысли в порядок. Она поставила на стол рядом с его кроватью медный колокольчик, чтобы он мог позвать ее, если захочет, если он когда-нибудь передумает. Перл помнила отчаявшийся голос Мириам, доносившийся из его комнаты:

«Мамочка сейчас уходит, но утром я сделаю тебе гренки. Ты сможешь вывесить флаг. Сможешь ловить моллюсков с мальчиками...»

Мириам больше никогда не увидит крошечных ракушек на пятой точке Джонни. Он больше никогда не станет прежним. Никогда, никогда, никогда. Ничего нельзя заставить оставаться таким, как есть. Все течет. Все меняется. Из этого правила нет исключений. Никто не достоин подобной милости.

Вот бы вернуть те дни, когда из-за края пещеры говорили звезды.

Вернуть те времена, когда во тьме было не видно, чего именно мы лишились от себя прежних...

Перл начинало слегка подташнивать. В самолете, пролетая над Ричмондом, она выиграла бутылку шампанского, сумев дать самый правильный ответ на вопрос, каков общий возраст экипажа, – теперь она уже не помнила этой цифры. Она выпила все шампанское в одиночку.

Напитки здесь были не так хороши на вкус, как те, что она делала себе на острове. Здесь в кубиках льда была сера или что-то еще.

К ее столику подошла хорошо одетая женщина с ужасным дыханием и наклонилась над Сэмом. Она помахала ему соломинкой для коктейля. Она сказала, что он чудесный малыш.

– Чем это мы благоухаем? – спросила она Перл. – Шоколадом или ванилью?

Перл растерянно взглянула на Сэма, а затем на женщину.

– Это просто выражение такое, сельское, – сказала женщина. – В смысле это мальчик или девочка?

– О, – сказала Перл.

Приятные здесь люди, подумала она. Сэм дернулся у нее на коленях. Перл закрыла глаза и допила джин.

Когда она снова открыла глаза, женщины уже не было. По другую сторону помещения, за рядами бутылок, было зеркало. Перл выглядела не лучшим образом. Она заметила в зеркале, что рядом с ней появилась парочка с маленьким аллигатором на столике. Когда Перл повернулась в их сторону, она увидела, что не ошиблась. Аллигатор был совсем небольшим, как те чучела, что продаются в магазинах сувениров на юге, рядом с желе из тропических фруктов. Но этот был живым. Он плавно шевелил лапками, шелестя, словно листва.

– Это как-то слишком, Эрл, – сказала женщина.

– У него елда внутри размером с него самого, – сказал Эрл. – Ты это знаешь? Вот же зверюга.

Перл уверенно написала на счете номер своей комнаты. Она встала и направилась к выходу из бара. Казалось, ее ноги были завернуты в матрас.

Ее неспешное движение нарушил бармен.

- Мэм, - сказал он, - вас к телефону.

Она подошла к телефону без всякого удивления и, переложив Сэма на другую руку, поднесла трубку к уху.

Там никого не было. Только еле слышное пение. Вроде детской дурашливой песенки. Или, может, что-то было не так с ее внутренним ухом.

Она повесила трубку и вышла в холл. Поднялась на лифте на пятый этаж. Прошла по длинному коридору. Ей встретилась горничная, которая толкала тележку, собирая обеденные подносы, оставленные постояльцами у дверей. Горничная жевала сыр.

Перл пришлось повозиться с замком в свою комнату, и она распахнула дверь настежь. В комнате было прохладно и тесно. Кто-то прикатил колыбель на колесиках. Там были колыбель, и кровать, и стул.

На стуле сидел Уокер, глядя на нее.

- Привет, - сказал он.

Он встал и коснулся пальцами ее лица.

- Дорогая, - сказал он.

Глава вторая

Впервые Перл увидела Уокера, когда подворовывала в торговом центре. Уокер застал ее за совершением противоправных действий и взял с собой. Вот так это

случилось год назад. Как бы она ни пыталась вспомнить их знакомство в других, более приемлемых тонах, у нее не получалось, потому что произошло оно именно так.

Перл набрала в наплечную сумку всякого добра на несколько сотен долларов. Она каталась вверх-вниз по эскалаторам – очаровательная девушка со скучающим взглядом и веснушками. Миловидная девушка в платье с принтом пейсли, с круглым воротничком. Она была уже шесть дней как замужем за молодым человеком по имени Джин Джонс. У нее в сумке лежали сладости и бижутерия, свитера и книжки и кофеварка «эспрессо». Она не умела делать «эспрессо», а просто кофе Джину не нравился. От кофе он бегал в туалет, который ему тоже не нравился, поскольку Перл не очень следила за чистотой. Джин пил только яблочный сок. Он был рассудительным молодым человеком, намеренным получить место в школьном совете на грядущих выборах и тем самым начать свой путь в политике. Сейчас он был просто инструктором в спортзале, но вскоре станет представителем штата. Это лишь вопрос времени. Но на момент их женитьбы он был просто спортивным инструктором с нежной кожей, потому что то и дело принимал душ. Его волосы всегда были влажными. Он жевал жвачку без сахара и мог так втянуть живот, что между пупком и позвоночником оставалось не больше пяти сантиметров. Когда он ложился с ней в постель, он двигался с методичностью гимнаста. Он действовал как заведенный. Они занимались любовью четыре или пять раз в сутки, и он каждый раз умудрялся применить все позиции, какие знал. Эти занятия любовью держали Перл в тонусе, давая ей ощущение здоровья и спокойствия. Тем не менее такой неприкрытый секс вскоре стал чем-то средним между ребячеством и развратом. Когда она не была в постели с Джином, совершая свои заученные грациозные телодвижения, он ей не очень нравился. Они жили в жарком домике в песчаном переулке. Снаружи сновали крысы и птицы. И была одна очень старая, вялая крыса, слонявшаяся вокруг дома все шесть дней их семейной жизни. Перл кричала на нее через сетчатую дверь. Крыса появлялась каждое утро примерно в одно время и таскалась туда-сюда по траве. На самом деле в ней не было ничего неприятного – никаких там болячек или проплешин. Перл вообще-то не злилась на нее. Она заранее ее жалела, какой бы печальный конец ни был ей уготован.

Дом был меблирован. Домохозяйка каждый день приходила к Перл поболтать. Она рассказывала ей о муже. Ее мужа звали Артур, и ему было пятьдесят пять.

– Как раз в том возрасте, когда большинство мужчин начинают сбавлять обороты, – говорила она Перл. – Но Артур еще ого-го.

Эта женщина рассказывала Перл, что ее муж особенно возбуждался после того, как распылял по дому средство против насекомых.

– Я это заметила в прошлом году, – сказала она. – У нас были муравьи и тараканы, и как только Артур распылит морилку, сразу начинает поглядывать на меня. Он так распаляется, что ему все равно, что я занимаюсь уборкой или даже готовлю. Я и за прошлый год намучилась, а в этом и подавно. По выходным он распыляет иногда два-три раза за день. Это меня просто убивает.

Перл сочувствовала домохозяйке.

– Я так устала, – жаловалась она Перл.

Из своих вещей у Джин и Перл был только телевизор. Джин всегда говорил, как чудесно трахаться в свете телевизора. Перл пыталась представить, как она покупает множество вещей и владеет уймой всякой всячины, только она слабо представляла, какой именно. Ее никогда не привлекало что-то особенное, даже в детстве. Покупать вещи и владеть ими – это как будто помогало понять, кто ты есть. Каждый человек – это совокупность интересов и желаний. Люди получают силы и утешение, когда желают каких-то вещей и получают их. Перл хотела сил и утешения. Она чувствовала, что если только сможет заинтересоваться чем-то особенным и побольше узнать об этом, к примеру о хоккее или об акулах, она будет больше довольна жизнью. Она уже не будет просто трахаться все время. Вскоре должно будет случиться что-то еще. Перл не чувствовала себя настоящей личностью. Она чувствовала, что ужасно подводит Джина.

Пятый день их женитьбы пришелся на субботу, и весь день они провели в постели. Перл подложила подушек себе под спину и тупо смотрела, как Джин потеет над ней, на его дрожащие плечи. Она чувствовала, что воображение явно не справляется со своей высокой миссией. Она чувствовала, что ничего нового уже не будет, ибо есть ли хоть одно действие, свободное от путанной памяти? Она мягко похлопала его по плечу. Он был таким же, как и все. Он старался, как мог. Она не могла перестать хлопать его по плечу. Наконец он остановился и сполз с нее. Перл пошла на кухню и вскипятила воды для чая. Ей было двадцать лет, и она никого не знала. Ее родители умерли. Ее единственной

родственницей была пожилая тетка, последние два года жившая в отеле в полинезийской деревне где-то в Аризоне. Отель был дорогим, как она писала Перл, но ей там нравилось. За окном у нее росла живая изгородь, подстриженная в виде полинезийского Бога Счастья. Все там было по высшему разряду, не то, что в жизни. Тетка посылала Перл рецепты.

- О-о, - говорила Перл.

Она не хотела больше рецептов. Она вернулась в спальню и долго смотрела на Джина. Он спал в электронно-лучевом свете. А он не заболит раком от такого излучения?

- Оххх, - сказала она снова.

Это больше походило на стон любви, чем ее стоны в постели. Джин так основательно разлегся. Неужели это никогда не кончится? Она чувствовала себя привидением из-за своей изоляции. Живая изгородь за окном напоминала мертвых ежей. Должно быть, это женщина - конечно, женщина - решила у истока всех вещей, что смерть - это часть жизни. Мужчина бы до этого не додумался. Женщины выбрали смерть, чтобы всегда имелся повод для сожалений.

Глаза Джина приоткрылись.

- Любимая, - промямлил он и стал спать дальше.

Следующим утром Перл решила пойти в магазин. Ей хотелось сделать что-то, чего она еще никогда не делала, и таким образом узнать что-то о себе. Она чувствовала, что ее настоящее «я» шагает где-то рядом, словно сестра, держа ее за руку, но кроме этого никак себя не проявляя. Первым делом она украла наплечную сумку. Свою пластиковую сумочку синего цвета она положила на пол и запихнула ногой под стойку. В сумочке были ее водительские права и шесть маленьких сахарных пончиков на картонке, которые она купила тем утром в автомате на бензозаправке. Еще там был ее бумажник с десятью долларами. Она вынула деньги и положила в новую сумку.

Проходящая по проходам, она сорвала с сумки ярлык и бросила на пол. Никто не тронул ее за плечо. Никто не сказал ей: пройдите. Она поднималась и

спускалась, набирая в сумку вещи. Было так легко набирать вещи! Ей чуть полегчало.

Был почти обед, когда она встретила Уокера. Она пыталась решить, подняться или нет на верхний этаж торгового центра, во вращающийся ресторан, и заказать чай со льдом и салат. Это было бы так по-женски, разве нет? Пытаясь определиться, она стянула со стойки несколько браслетов и надела себе на запястье.

- Тебя поймут, - сказал ей Уокер. - Я тебя поймал.

Перл стояла, не шелохнувшись. У нее раскалился позвоночник, грозя прожечь платье. Казалось, к нему поднесли спичку. Перл стояла, не шелохнувшись, но чувствовала, как ее голова дико вертится. Один раз она видела по телевизору без звука, как бейсболист словил головой мячик. Его несчастная голова безумно заплясала во всех мыслимых направлениях. Казалось, он рьяно что-то утверждал, стараясь на пределе сил. Его голова наверстывала наперед годы неподвижности.

Перл медленно поднесла руку к голове. Она была на месте. Страх, охвативший ее, никак не был связан с возможным арестом за воровство в магазине. Арест вызвал бы у нее лишь смущение. Она бы почувствовала себя дурой. У нее бы взяли отпечатки пальцев; посадили бы в клетку и дали сэндвич, а потом сообщили бы Джину, и он пришел бы и забрал ее, и тоже был бы ужасно смущен. Он бы заплатил какие-то деньги, чтобы вытащить ее. Они бы вместе сели в машину и поехали домой. Он бы хлопал ее по руке. И никогда бы не стал вспоминать об этом случае.

Это не имело никакого отношения к тревоге, охватившей Перл от голоса Уокера. Возможный арест вытекал из правил беззубого и банального мира, из которого она только что выпала. Но то, что она испытывала, - страх, чувство потери себя рядом с этим мужчиной - было безымянным и всеохватным.

Она повернулась к нему. Волосы и глаза у него были темными. Кожа - восхитительно гладкой. Он положил обе ладони ей на плечо. Он был крупным мужчиной. Даже его волосы казались увесистыми. Она понимала, что он не будет ее арестовывать. Его власть не имела никакого отношения к закону. Его руки у нее на плече были руками охотника, усмирявшими ее. Она ощутила себя

распластанной, распростертой, ужасно беззащитной.

– Ну, идем, – сказал он. – Идем со мной.

Она почувствовала, словно он ее опустошает, прямо там, не сходя с места, поглощает ее по кусочкам, нивелируя их, закрывает дверцы ее разума, отрезая пути к отступлению. Хлопнула дверь – это вышел Иисус. Двери у нее в уме все хлопали и хлопали. Ей не хотелось вмешиваться. Окна закрывались. У нее на сердце были сумерки. Она была ничем, среди поля, через ее сердце бегали дети. Она была ничем, нигде, рядом с ним. В голову ей закралась странная мысль. Когда-то было четверо животных, державших в небе мир. Потом одно из них убили. Это невозможно было искупить. Это невозможно было возместить. Перл почувствовала такое одиночество и грусть. Это животное умерло. Ничто уже не будет в порядке. Перл никогда еще не чувствовала такого одиночества, ей было неведомо подобное томление.

Она положила краденую сумку на пол. А потом пошла за этим мужчиной, то есть за Уокером. Они прошли через торговый центр и вышли на улицу. Сели в его машину, выехали из города. Пока они ехали, он вежливо ее расспрашивал: о прошлом, о ее связях и привязанностях. Она отвечала, она понимала. Она слышала свой голос, дававший ответы, словно заворачивая ее жизнь для него. Эта жизнь имела начало и конец. Он внимательно слушал. Так они – она отвечала, он слушал – перемололи ее жизнь. Это было их первое общее дело.

Он подъехал к мотелю на шоссе, одному из многочисленной популярной сети. Она, конечно, понимала, что за этим последует, и чувствовала, что это каким-то образом пойдет ей на пользу, такое присвоение, познание. Вот так все это начинается. Это было чисто женским, унаследованным из далекого прошлого, беспомощным пониманием. Раной, открывавшейся снова и снова. Раной неизменно не смертельной. Ей стало лучше. Ничего такого в этом не было, даже с этим человеком. Она не чувствовала себя потерянной, как и найденной. Она не совершала ничего совсем уж ненормального. Она была в мотеле с хорошей репутацией. Там будут дети в бассейне, с пенопластовыми пузырями на спинах. Будет бумажная прокладка на стульчаке, чтобы было видно, что его чистили. Будет прочный поручень на стене душевой. Никакой опасности не будет.

Перл вошла в холл с Уокером, и он записал их.

– Что скажешь? – спросил он, заполняя бланк. – Томас. Мистер и миссис Уокер Томас.

– Я не знаю, – сказала она.

Она ничего не знала о выпивке. Она ничего не пила после того раза, с рыжим мальчишкой в купальне.

Уокер мягко коснулся ее щеки. Его прикосновение было нежным, беспощадным, и она снова ощутила дрожь небытия, истребление света. Она не хотела нести ответственность за поддержание света в себе. Она легонько прильнула к нему и снова выпрямилась.

Он вывел ее из холла в соседний бар. Там была только барменша и одна упитанная пара, пившая колу.

– Дети чудесны, – говорил мужчина. – Нашему четыре, чего от него только не услышишь! Недавно вечером никак не мог улечься, ну, знаете. Устроил небольшой спектакль, сказал, что темноты боится, и все такое, и наша мама ему говорит: «Не бойся темноты. С тобой в комнате Бог». А он: «Я знаю, что тут Бог, но я хочу кого-то с кожей».

Женщина засмеялась. Это была пухлая блондинка, от нее пахло, как от пышной сдобы.

– Дает он вам прикурить, – сказала барменша.

Перл вытянула руку и взялась за поручень. Она подумала, что это самая кошмарная история, какую она слышала в жизни.

Уокер купил бутылку бурбона 0,75, и они вышли из бара и прошли по бетонной дорожке до крайней комнаты в мотеле. Газон, обрамлявший дорожку, был усеян собачьими какашками.

Уокер открыл ключом дверь. В комнате было холодно и темно. Перл сразу стала раздеваться. Уокер сел на кровать и закурил сигарету. Она знала, что так будет – что он будет сидеть, курить и смотреть на нее. У нее были грязные ступни.

Потому, что она всегда носила сандалии. Она неловко потерла ступни о ковер.

– Я толстею, – сказала она.

На самом деле она была худышкой. Но знала, что скажет это.

Уокер ничего не сказал. Он сидел, прикрыв глаза, сплошная тайна. В тусклой комнате его глаза казались совсем без белков. Он положил себе под голову две подушки и вытянулся на кровати во весь рост. Она улеглась рядом с ним. То, как он лежал рядом с ней, такой тяжелый, такой могучий в своей неподвижности, возбуждало ее. Ее собственное тело было не в силах принять эту силу, это его спокойствие. Она стала поглаживать его. Ткань его костюма была дорогой. Она потела, ее жгло целомудрие рядом с ним. Она не могла взглянуть ему в лицо. Она начала раздевать его, украдкой, словно воровка. Злоумышленница, уже пойманная и приговоренная. Он ее остановил.

– Подожди, – сказал он. – Все в порядке. Расскажи мне что-нибудь, что угодно. Начинай откуда хочешь.

Перл снова вернулась к себе, хотя уже не так успешно, как раньше. Она вяло трянула головой. Села. Ей было двадцать лет, ее соски торчали, точно твердые тугие почки нового дерева. Она была замужем, но теперь ей казалось, что она не замужем. У нее нет документа. Никакого удостоверения личности.

– У меня был пес, – сказала она. – Отец его застрелил. Мать с отцом сказали, что он напал на маленькую девочку, другую девочку, и порвал ей руку, и что отец должен его застрелить.

Перл взглянула на Уокера. Какой славный у нее был пес. Черная овчарка с лапами цвета бренди. Она ни разу не видела, чтобы он укусил какую-то девочку.

– Я никогда не училась грести веслами. Никогда не училась закидывать солнечные очки на макушку, как другие девочки.

Уокер ничего не сказал.

– Никогда не училась мастурбировать, – сказала Перл. – Я вообще мало чему училась, но никогда не понимала, почему я не знаю, как мастурбировать.

– Ты была совсем одна. Ты не могла представить любовника.

– У меня живот опух. Я вся загрубела. Я принималась трогать себя, потихоньку...

– И ничего?

– Мне делалось неловко.

– Ты не могла представить любовника. Но теперь я твой любовник.

– Да, – сказала она.

В комнате было очень темно, в той первой комнате с Уокером. Снаружи была ночь. Кондиционер устранял любой шум, который мог быть снаружи. Уокер еще не притронулся к ней за все время, что они были в комнате. Он по-прежнему молча смотрел на нее. Она не шелохнулась. Но у нее возникло ощущение, что этот человек наконец-то стронул с места ее жизнь.

– Зачем ты зашел в торговый центр? – спросила Перл. – Почему я сейчас с тобой? Я могла бы не пойти за тобой. Я не должна быть с тобой.

Ей подумалось, что если ее убьют, ее имя появится во всех газетах, как случилось с отцом, который покончил с собой.

– Ты словно красивая стекляшка на пляже или веточка, выброшенная волной. Что-то, ждущее, чтобы тебя нашли, что-то, ждущее кого-то, как я, чтобы раскрыть свою сущность. Тебя вынесло приливом. Я подобрал тебя, – его голос был мягким, словно бока животного, движущегося в темноте, прорезанной солнечным светом. – Можешь думать об этом так, если хочешь.

– Я не буду думать об этом, – сказала она.

Она была очень уставшей. Она заснула. Проснувшись, она увидела, что лежит на животе. Она чувствовала себя так, словно ею кто-то дышал. Это не было ее

дыхание. Она сама была дыханием, клубившимся в мясистых челюстях. Она завела руку за спину, нащупала его голову и ухватила густые волосы, сухие и ароматные. Она извивалась с ним в темноте, ни в чем ему не отказывая. Она начала стонать. Словно петь песню. Она не могла остановиться. Он поднялся и перевернул ее под собой. Она была такой легкой, словно перышко, словно кость. Он снова нырнул в нее. Ее груди заполнили его рот. Он был деревом, она – змеей, обвивавшей его. Она была множеством змей, вьющихся на солнце в корнях дерева, над землей, повсюду.

Он дал ей соскользнуть на пол. Она вжалась щекой в ковер, задрав кверху ляжки. Ноздри наполнились пылью, глаза – цветом ковра в розовых тонах. Узор закручивался внутрь, вглубь цветочных бутонов. Он прихватил ее ртом за шею и, взревев, вошел в нее. Она была не с ним, но испытала внезапное острое наслаждение. И она пошла за этим ощущением, все дальше и дальше, очень далеко.

Через несколько часов, когда Перл проснулась, она поразилась обыденности нового утра. Прищурившись, она увидела через жалюзи путешественников, укладывавших вещи по машинам. Раздраженная мать лупила по плечам ребенка его же коробкой для ланча с Барби и Кеном. Заводились моторы. В соседней комнате спускали воду. Это напомнило ей, что надо принять ванну.

Она быстро вымылась и оделась, затем открыла дверь. На кровати лежал Уокер, на спине, глядя на нее темными глазами.

– Мне нужно кое-что купить, – сказала она.

– Включи в счет, – сказал он. – Или, если хочешь, возьми деньги. Мой бумажник здесь, в пиджаке.

Она взяла несколько долларов из его бумажника.

– Не исчезай теперь, – сказал он.

– Ну что ты, – сказала она.

Ей это и на ум не приходило. Он улыбнулся.

– Мы поедem ко мне домой, – сказал он, вот так просто, проще некуда. – Нам нужно проехать порядка двадцати миль до парома, а потом сорок минут на парохоме до острова Сэддлбек. Дальше мы сядем в лодку и достигнем острова. Это семь миль, чуть больше получаса, если Джо будет на «Крис-Крафте»[8 - Марка американских прогулочных катеров.]. Выдвигаемся сразу, как ты вернешься.

– Я не знала, что есть острова за Сэддлбеком, – сказала Перл.

Уокер скинул ноги с кровати.

– Несколько маленьких. Наш самый крупный. Двадцать тысяч акров. Мы владеем им сотню лет.

– О, – сказала Перл. – Я просто не знала, что там еще другие острова.

Она почувствовала себя дурой. Вставая с кровати, она отвела глаза от него.

– Никому нет смысла знать о них, – сказал он и хохотнул. – Хотя государство знает. В прошлом году подняли наши налоги с шести тысяч до сорока.

– О, – сказала она. – Ну, я только куплю пару вещей.

Она указала в сторону коридора.

Когда она вернулась в комнату, он был одет и ждал ее. Они ехали, почти не разговаривая. Был прохладный день ранней осени. Перл много лет знала про Сэддлбек. Это был симпатичный курортный остров. Там стояли эlegantные старые дома, которые назывались коттеджами. А дома попроще, но тоже с удобствами, назывались хижинами. Подростком Перл считала, что если бы только у нее была юбка-сафари и свитер клюквенного цвета, чтобы она могла ходить по тамошним летним улицам с сытыми толпами, все у нее в жизни было бы в порядке.

Она не раз подумала, пока они ехали к парохому, о Джине и о прошлых мертвых ночах. Ее уносило течением, словно она тонула. Никто из тех, кто знал ее, больше никогда не увидит ее живого лица. Не будет никакого объявления.

В какой-то момент она сказала Уокеру:

– Мы теперь будем вместе? Отныне? – Он пожал плечами. – Если у нас не будет времени, у нас будет вечность, – сказала она, чуть посмеиваясь, не вполне понимая, что хотела сказать.

– Ты знаешь эту вечность, – сказал он. – Есть скала в сотню миль длиной и в сотню шириной. Каждые тысячу лет к этой скале прилетает птичка точить клюв[9 - Цитата из знаменитой в Америке книги для детей «История человечества» Хендрика Ван Лона, историка и журналиста (1882–1944).].

– Я не ребенок, – сказала Перл.

Он улыбнулся. Они проехали мимо рекламной вывески гадалки. Там была гигантская рука и слова «МАДАМ КЛАВЕЛЛ». Рука была испещрена светящимися звездами, словно в нее пальнули дробью. В центре ладони были останки чего-то пернатого.

Перл только открыла рот и снова закрыла.

– С маленькой птичкой покончено, – сказал Уокер.

Перл рассмеялась. Она почувствовала, сколь многим обязана этому человеку. Он пробудил ее, не к жизни, а к некой сладкой бездне, в которой, как она чувствовала, она может пребывать вечно. Но она так устала. Ее тело, развалившееся на светлой коже сиденья машины, оказалось для нее тяжелой ношей. Такое утомление было ей непривычно. Перл закрыла глаза и погрузилась в сны.

Она рожала на обширном свежескошенном поле. На траве была кровь, но не обязательно ее. Было холодно, но сухо. Это мог быть цвет, а вовсе не кровь, завитки плюща в траве. Ее бедра были раскинуты. Ее руки были раскинуты. Она собиралась родить ребенка. Она знала, что те, кто сгрудились вокруг нее, готовятся разрезать ей живот и откинуть лоскуты кожи, точно свадебное платье, чтобы извлечь из нее ребенка. Она знала, что ее оставят лежать на месте, и ее ужасная темная рана станет гнездом для летучих порождений ночи.

Из нее выскользнул младенец. Прекрасный, черно-серебристый, он жадно дышал и блестел от ее крови и воды. Она видела его нечетко. Она напряженно всматривалась. Ее заверили, что он прекрасен. Она беспокойно крутила головой. Она хотела покормить его. Она хотела увидеть его, чтобы начать любить. Она боялась, что ничего не знает о любви. Что любовь, как физика, – что-то такое, чему кто-то когда-то пытался ее научить и во что она не вникла. Множества, бывшие на кромке поля, теперь окружали ее. Они заверили ее, что он был идеален. А то, что он родился в сумерках, было благим знамением, так ей сказали. Ибо это счастливейший час.

Их голоса были тихими, мирными. Она не могла понять, почему понимает их речь. Они говорили не словами. Это был сон, она это понимала. Если бы она смогла расслабиться во сне, то проснулась бы. Но ее что-то мучило. Перл была в машине, в пути. Вот так люди видят сны. Она уже проснулась, но держала глаза плотно закрытыми.

В ее сне стало слишком темно, чтобы Перл могла разглядеть своего ребенка.

Она открыла глаза.

– Я не могу, – сказала она.

– Мы почти на лодке, – сказал он. – А дальше будем дома.

– Я замужем, – сказала она неловко.

– Это ничего. Шесть дней. Нельзя быть замужем шесть дней, – он провел рукой ей по волосам. – Мышка.

– Ох, – сказала она.

– Мышка, – повторил он. – Потеряшка, заблудшая душа.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами. И подумала про искупительный вопрос. Она не смогла задать искупительный вопрос, а теперь уже слишком поздно.

– Ты со мной, – сказал он.

Глава третья

Они сели на пароход до Сэддлбека. Они стояли на палубе с другими пассажирами. Все были загорелыми, многие с велосипедами и собаками.

Одна женщина сказала подруге:

– Они купили деревянную лошадку, которая принадлежала Роммелю, если верить бумагам. Заплатили бешеные деньги и отдали ее Дженнифер, представляешь?

Рядом с Перл стоял человек с пасторским воротником, в полосатом льняном костюме и кедах, и снимал «Никоном» виды. У него была собака, привязанная за поручень, и человек периодически опускал фотоаппарат, потому что виды были никакими, и снимал собаку.

Перл подбирала пластиковые стаканчики, катавшиеся по палубе, и клала в мусор. Мужчина в линялых голубых шортах и мексиканских сандалиях сказал:

– Я научил его трахаться и играть в теннис, а он все равно не хочет замуж за меня.

Судно качалось на волнах, и Перл подташнивало.

Когда они вошли в док, все столпились на узких лестницах. Человек в линялых шортах сказал человеку с пасторским воротником:

– У меня сестра, отец, реальная курица. Она идет в монастырь, и первое, что ты узнаешь, это что она беременна, и она мне говорит: «Иисус подумал обо мне». Вот так это случилось, по ее словам, клянусь. Что вы об этом думаете, отец?

Все ломались в трюм и набивались по машинам, стоявшим впритык друг к другу. Рядом с «мерседесом» Уокера стояла машина с откидным верхом. В ней была кошачья переноска. Оттуда показалась округлая серая лапа. Увидев это, женщина стала кричать на своего мужа. Она заглядывала с несчастным видом в переноску и кричала на мужа. Ее муж выглядел смущенным.

Уокер быстро проехал через остров до городка Морганспорт. Они миновали несколько нарядных деревень, старых китобойных портов с картинными пейзажами, с вязами, нетронутыми заразой, вдоль улиц. Перл хотелось там задержаться. Ей хотелось, чтобы Уокер показал ей окрестности, но ему не было дела до острова Сэддлбек. Его остров, их остров, лежал дальше.

Уокер поставил машину в гараж на улочке, шедшей к частному причалу. Вдоль одной стороны улочки тянулся длинный сарай для семейных машин. Стены сарая покрывали плакаты. Среди них была цирковая афиша с лицом клоуна. Одна половина лица была очень грустной, другая плотоядно улыбалась.

– Я люблю клоунов, – сказала Перл Уокеру. – Они как дети. Могут делать, что угодно. Им может сойти с рук что угодно.

– Ты в восторге от детей, да? – спросил Уокер.

– Не знаю, я особо не общалась с ними. Я говорила о клоунах.

Плакаты покрывали стены в несколько слоев. Перл увидела круп чубарой лошади, рассеченный надвое огненным кольцом.

Даже тогда ее не оставило тягостное чувство при мысли о том, чтобы завести детей, и она вздохнула.

– Полагаю, ты захочешь, чтобы у нас был ребенок, так ведь? – сказала она.

Уокер приобнял ее. Он выглядел, как бизнесмен, которому слегка не по себе в палевом костюме, как человек не в меру габаритный, впрочем шагавший свободно, легко и властно держа руку на талии Перл.

У причала был пришвартован старый, но ухоженный моторный баркас. На борту стояла, сутулясь, фигура в белом. Это был мальчик, одетый в мятые белые штаны и рубашку. Волосы у него были белыми. Как и густые брови. Он жевал резинку и улыбался Перл шалой улыбкой, озадачивавшей ее. Перл навсегда запомнила оторопь, охватившую ее в тот момент.

– Это мой племянник, Джо, – сказал Уокер. – Ему девять. Он взял себе за правило никогда не разговаривать со взрослыми.

Мальчик помог им подняться на борт. Он завел мотор, а потом сел на корме в необычное плетеное кресло. Он отклонился на задние ножки и рулил одной рукой, а другой касался своей загорелой щеки. Белый свет воды плясал в его глазах.

Перл не верилось, что Джо всего девять. Он выглядел почти вдвое старше, как будто так старался остаться ребенком, что состарился раньше времени. Перл не могла не замечать его явную эрекцию. А Джо, казалось, не сознавал себя. Ведь у детей в таком возрасте не бывает эрекции, разве нет? Может, он просто валял дурака. Может, это был розыгрыш, вроде как в старых пьесах-моралите.

Странный ребенок молчал. Он сосредоточенно жевал резинку, словно его челюсти были лодочным мотором.

Было холодно, и Джо дал Перл оранжевую ветровку. Ей было очень холодно. У нее не было никаких предчувствий. Она не представляла, что ее ждет. Ей было несвойственно любопытство к вещам. Она считала это своего рода подарком, вроде дарованного таланта. Это защищало ее от разочарования, даже от тоски.

Она увидела серебристую луну в зеленом небе, словно солнце на восходе. Она забралась под руку Уокеру и почувствовала себя в безопасности, как древесное создание в полуночном гнезде. Когда они выдвинулись в путь, небо начало медленно сереть, окрашиваться матовым серебром, как внутренняя сторона ракушки. Мимо них пролетел одинокий баклан, почти вплотную, цвета железа в тумане. Время шло. Ей становилось теплее. День был на редкость бесцветным и стылым, но у нее возникало уютное ощущение. Она словно светила, просвечивала изнутри, словно в этом путешествии в ней поселилось солнце, однако вместе с этим она чувствовала, как солнце становится чем-то другим – вот так запросто – она понимала, что уже никогда не сможет стать тем, чем

была когда-то.

Туман поднимался клоками, становясь облаками. По обе стороны от них виднелся остров, зеленый и тихий. Они были в пути почти час. Семь миль. Это вполне могли быть семь лет. Ей подумалось, что в будущем это время покажется ей не таким долгим.

Когда до берега оставалось несколько сотен метров, Джо стал лавировать между скал сложными искусными маневрами, продвигаясь в маленькую бухту. Был почти самый прилив. С расстояния скал было не видно, но, перегнувшись через блестящий поручень, Перл различила под водой их неровные зубчатые верхушки.

– Как называется твой остров? – спросила она Уокера.

– Мы его никак не назвали, – сказал он, отвернувшись от нее на миг, чтобы закурить. – На картах он называется «Остров Сердце», и ты услышишь от некоторых жителей Морганспорта это название, но оно не имеет к нам отношения. Это не связано ни с какой бородатой байкой времен Войны за независимость, просто остров, как мне кажется, похож формой на сердце. С воздуха, во всяком случае, – он рассмеялся. – Можешь считать, что дом расположен в левом желудочке.

Джо вырубил двигатели и тихо провел лодку к причалу. Земля была совершенно безмолвна, и Перл ничего не увидела, даже ни единой птицы. У причала было пришвартовано еще несколько судов, как лощеных, так и знававших лучшие времена. Прилив продолжал наступать. Свежий ветер швырял волны о сваи. Уокер помог Перл подняться на причал, а затем помог Джо привязать швартовы. Неподалеку, на темном твердом песке, стоял старый «бьюик». Они сели в него.

– Теперь не лихачь, Джо, – сказал Уокер.

Перл с Уокером сидели на заднем сиденье. Салон заплесневел, и в обшивке виднелись глубокие прорехи. В дороге Перл смотрела на шею мальчика. Его профиль был плоским, отвернутым. Ветер полоскал его длинные белые волосы, закрывая лицо. Можно было подумать, что за рулем не мальчик, а старушка. Но затем Перл поймала его взгляд в зеркальце и увидела суровые глаза не по годам развитого ребенка. Уокер сказал ей, что Джо сам переделал старую машину,

чтобы водить ее. Мальчик любил ковыряться в машинах. Когда ему было четыре, он вбил себе в голову, что его настоящий отец астронавт, и построил себе космический корабль, на котором попытался взлететь с крыши и в итоге переломал себе ноги.

Перл смотрела в изумлении на надменный и беспечный профиль мальчика.

- Боже правый, - сказала она.

Несколько долгих минут они ехали по дороге, не сильно отличавшейся от проселочной. Перл видела другие дороги, ответвлявшиеся от этой и уходившие петлями вдаль. Часть земли была расчищена под пастбища, но животных не было видно. Виднелось несколько маленьких деревянных загонов, тонувших в зарослях.

- Вы здесь разводите животных? - спросила она.

- Нет, это со времен деда Аарона. Прадеда, на самом деле. Он сделал состояние на животных, так или иначе. Дети все тебе о нем расскажут. Они от него без ума. Для меня он простой мясник. Но удачливый в деньгах.

«Бьюик» обогнул болото, за которым проглядывало море. Среди пышно разросшихся камышей и спартини на берегу стояло одинокое дерево. Высоко в его ветвях виднелось дощатое сооружение, детский домик.

- О, - воскликнула Перл. - У меня был такой. Мило здесь, правда? Острова такие милые. Это совершенно другой мир. Мне это нравится, - она понизила голос, чтобы Джо ее не услышал. - Мне нравится, как ты полюбил меня и привез сюда.

Ветви деревьев хлестали и царапали бока машины. Перл услышала издали приятный перезвон церковных колоколов.

- Только не говори мне, что у вас тут своя часовня на острове, - сказала она беззаботно. - Или материковый бог недостаточно хорош для Томасов?

- Это просто дети играют с колоколом на доме, - сказал Уокер.

Затем Джо обогнул острый угол, и перед ними предстал дом. Колеса крутанулись на песке, и голова Перл легко качнулась от встряски. Небо было синим, кипуче-синим и живым. Оно заряжало Перл энергией, памятью, своего рода дееспособностью. Память возникала не через какой-то опыт, который она могла вспомнить. Это была почти химическая память, что-то врожденное. Безошибочная память.

Машина остановилась.

– Ну вот мы и приехали, – объявил Уокер Перл, а мальчику сказал: – Тебе нельзя забивать гвозди, Джо.

Джо пожал плечами и зевнул, явив огромный ком жвачки во рту. Перл отметила, что вспотела. Джо, казалось, смотрел сквозь нее. Взгляд у него был бдительным и влекущим, но ни на что не направленным. Перл почувствовала облегчение, когда он неожиданно повернулся и побежал к другому мальчику, возникшему из дома. Голову мальчика как будто покрывали перья.

Дом на первый взгляд показался Перл более-менее знакомым. Словно сезонный отель. Один из тех, в которых она, разумеется, никогда не бывала, но тем не менее могла узнать. Обширное трехэтажное строение с мелкой черепицей на крыше. Несколько комнат имели балкончики, на которых стояли потертые парусиновые стулья. Казалось, дом строился постепенно и довольно хаотично и при всей своей вычурности сохранял небрежность и простоту, которые порой богатые напускают на свои жилища. В окнах были старые граненые стекла, слегка выдававшиеся. Дерево было теплым и гладким, как кожа. Тут и там виднелся затейливый барочный декор. На крыше был флюгер в виде человека, стреляющего в волка. Второй этаж отделялся от первого ободом более светлого дерева, обильно декорированного. Перл показалось, что это резвящиеся путти[10 - Скульптурное (возможно, и живописное) изображение купидонов или херувимов в эпоху Ренессанса.], хотя она не могла сказать наверняка. Дом опоясывала широкая веранда, на которой играли полдюжины детей. Некоторые совершенно голые.

– Уокер! Уокер! – кричали они радостно.

На мгновение его имя стало единственным словом, которое Перл различала в этом многоголосом гвалте. Затем крохотная девчушка тронула Перл за руку и

пролепетала:

- Я проглотила зубик, но Зубная фея все равно дала мне четвертак.

Девчушка ощупала платье Перл.

- У тебя есть что-нибудь красивое, что бы ты хотела отдать мне? - спросила она.

- Не будь невежливой, Свит, - сказал Уокер. - Это Перл. Трип, Питер, Джонни, это Перл[11 - Все эти имена говорящие: Sweet - сладость, Pearl - жемчуг, Trip - рейс, бросок или психоделический трип (приход), имена Питер и Джон в английском соответствуют библейским Петру и Иоанну.].

Дети смотрели на нее насмешливо и задиристо.

- Привет, Перл, - сказали они мягко.

Уокер открыл дверь.

- Хочу показать тебе наши комнаты, - сказал он.

Они вошли в длинную, широкую переднюю, с лестницей, поднимавшейся в самом конце.

- Здесь библиотека, - сказал Уокер. - Мы потом спустимся сюда на коктейли.

Перл заглянула туда и увидела большой камин с тяжелой дубовой аркой и россыпь удобных стульев и ковриков, красных и розовых. В углу два мальчика играли в настольную игру. Они не стали отвлекаться.

Из другого конца передней Перл почуяла хлебный запах и услышала, как мягко напевает женщина. Она пошла за Уокером к лестнице. В доме было тепло, почти душно. Даже внутри дерево имело гладкий, бархатистый вид, широкие доски пола были почти белыми от возраста и чистки. На стенах висели в рамках детские рисунки рядом с двумя масляными работами Пикассо, акварелью Сарджента и несколькими рисунками Блейка.

- Это настоящие? - спросила Перл, щурясь.

- Блейка копии, - сказал Уокер.

Христос благословлял детей. Добрый и злой ангелы боролись за ребенка.

Второй этаж был светлее. Там ощущался чуть неприятный запах. Комнаты, мимо которых они проходили, были определенно детскими. Уокер сказал ей, что многие из этих детей приемные. Его брат, Томас, обожает детей. Он собирает их много лет, всевозможных бродяжек и подкидышей, и обеспечивает им долгое и привольное детство, давая полную свободу. Томас поддерживает их фантазии. Томас прививает им светские манеры и интеллектуальный голод. У Томаса достаточно денег, чтобы делать, что ему угодно, а угодно ему образовывать детей в соответствии со своими интересами.

- А какие у Томаса интересы? - спросила Перл.

Они одолели очередной лестничный пролет. Перл дышала с трудом. Она облизнула губы, все еще соленые после морского плавания. Над головой у нее была стеклянная крыша, над которой раскинулось небо, расчерченное красными штрихами.

- Мы будем в том конце, - сказал Уокер. - Из комнаты приятный вид на луг и море.

Перл посмотрела через его плечо на землю за окном с частыми рамами. На западе, вблизи пестрой рощи, был бассейн. На севере - песчаная скала, каменистый пляж и море. А к югу расходились всевозможные дворцовые постройки за извилистыми каменными стенами, и среди них был причудливый каменный домик с крышей из дерна.

- Перл, - сказал он.

Она пошла за ним. Его костюм был чудесного золотистого оттенка, точно луг.

В комнате, в которую они вошли, стояла кровать с медной спинкой. Часть декора изголовья была погнута или поломана. Комната была просторной. В шкафу

висела одежда Уокера. На сосновой конторке лежала его расческа.

– Я люблю тебя, Перл, – сказал он, улыбаясь ей так, словно она дурочка и он просто шутит.

– Я... чего... думаешь, я вся такая дурочка? Скажешь, нет... Приехала сюда с тобой, в твой дом.

Она попыталась возмутиться, даже испугаться, но не смогла. Она была счастлива.

Уокер провел рукой вниз по ее груди и потер ей живот через платье. Она откинулась на белое хлопковое покрывало, а он лег рядом, задрал ей юбку и стянул трусы. Он уронил свою большую темную голову ей на грудь. Перл захихикала. Она трепала его за уши, как щенка. Она шептала новые слова любви. Ей нравилось, что они одеты, что он накрывает ее не своей наготой, а благопристойным костюмом. Она коснулась его ремня, его бедер, а потом закрыла глаза и ухватилась за спинку кровати, обвив пальцами поврежденный, холодный узор.

Потом она лежала, прижавшись к его спине, а он спал. В открытых окнах была темнота. До Перл доносился детский голос из ванной внизу.

Моем руки и лицо,

Добродетель налицо.

Потому что чистота —

Это та же доброта.

Перл рассмеялась. Пробили часы, и Уокер проснулся.

– Уокер, – прокричал ребенок из-за двери, – Томас хочет познакомиться с Перл!

– Охх, – простонала Перл. – Может, мне лучше остаться здесь на несколько дней, пока не обвыкнусь. Я не быстро знакоюсь с людьми. Я...

– Я дико извиняюсь, – сказал Уокер, – я что, забыл представиться? Я...

– Охх, – сказала Перл.

Она все еще была счастлива. И ощущала себя наполненной, полной сил после любви.

Они спустились в библиотеку, и Уокер смешал ей напиток из бара. Перл была счастлива счастьем и дерзостью другого человека. Уокер протянул ей стакан, и она тут же отпила половину его. Детей в комнате не было; только две женщины и один мужчина.

Перл вдруг занервничала, ощутив нервозность других.

Уокер представил их друг другу.

Шелли. Моя сестра.

Мириам.

Мой брат, Томас.

– Какая на вас прекрасная юбка, – сказала Перл Мириам.

У Мириам было доброе грубоватое лицо и коса, спускавшаяся до талии.

– Спасибо, – сказала Мириам.

Перл была благодарна. Она по глоточку отпивала из стакана.

– Она их шьет, – сказала Шелли. – Люди присылают ей обрезки отовсюду.

– Расскажи нам историю того обычного на вид голубого лоскута, – сказал Томас, указывая на кусочек саржи на талии Мириам.

– Это, – тут же ответила Мириам, – прислал молодой австралийский моряк, получивший увольнение и приплывший домой с Мальты, чтобы помогать жене, которую преследовал черно-белый призрак без головы, обижавший троих ее детей.

Перл уставилась на ее юбку. Она была и цельной, и разнородной. Слово «прекрасная» здесь не годилось, хотя сшита юбка была замечательно.

Перл перевела взгляд с юбки на Томаса. Он отличался такими же крупными габаритами и смуглой кожей, что и Уокер. На нем был довольно замызганный белый льняной костюм и рубашка. Он казался Перл хмурым небом, затянутым тучами.

– А этот откуда? – сказал он, указывая на вполне заурядный белый лоскут рядом с голубым. – Напомни, Мириам.

– Это с подушки самоубийцы.

– Боже мой, – воскликнула Перл.

– Ты должна что-то рассказать нам о себе, – сказала Шелли Перл.

Перл совершенно не представляла, что рассказать о себе. Она поставила стакан на каминную полку, рядом с деревянной статуэткой. Там было несколько фигурок из дерева, все порядка четырех дюймов в высоту. Перл нервозно взяла одну из них.

Никто ничего не сказал. Вокруг нее образовалась тягостная тишина, которую подчеркивал скрип досок пола.

– А это что такое? – почти выкрикнула Перл и смутилась.

Она вытянула руку с деревянной фигуркой. Это было животное, волк. Перл это видела. Она провела ногтем по его резной спине, по пробору, разделявшему надвое шерсть. Фигурка была хорошо проработана и казалась заряженной потной силой в ее влажной руке. Резные глаза и ноздри, тщательно проработанные гениталии, зубы и лапы...

Она уронила ее на ковер.

Томас подобрал ее и поставил обратно на полку.

– Их вырезал Аарон, еще в 1800-х, – сказал он. – Он их сделал дюжину. Волка, медведя, лиса, оленя... животных, которых он убивал. Вначале он был охотником и звероловом. Он многое знал о животных. Он их ел и ловил, и обдирал, и продавал. Потом он стал воссоздавать их.

– А Аарон... это он построил этот дом?

Перл обхватила пустой ладонью свой стакан.

– Он и его жена, Эмма. Аарон заполучил значительное состояние в свое время. Поэтому нам сегодня вольготно живется. Тебя это интересовало?

– Ой, нет, – сказала Перл, – я не думала... нет...

– Он начал как обычный зверолов, но был слишком умен для такого занятия. Хотя дети тебе расскажут, что он перестал убивать потому, что последнее животное, которое он прикончил, заговорило с ним.

Перл посмотрела на Уокера. И хихикнула.

– Что оно сказало? – спросила она.

– Оно сказало: «Что ты смотришь, как я умираю? Скоро ты станешь умирающим животным, и люди будут смотреть на тебя».

Перл ничего не сказала. Это казалось вполне разумным.

– Как бы там ни было, что-то изменило его отношение. Аарон хорошо нажился и решил, что пора окультуриться. Он перенес охотничьи навыки из лесов на рынок. Все, чего он касался, приносило прибыль. Он никому особо не нравился, но так разбогател, что с ним приходилось считаться. Аарон вкладывался в банки, и железные дороги, и пароходы... Он был совладельцем «Генри Клея», самого быстрого парохода на Гудзоне, до 1852 года, когда он загорелся и потонул.

Тогда погибло больше сотни человек, и Аарона обвинили в непреднамеренном убийстве, но потом оправдали. Аарон был счастливым. Он был счастливым до самого дня своей смерти.

- Ну что ж, - сказала Перл неопределенно.

- В последние годы он выстругал вот это, - сказал Томас и достал из-за фигурок животных короткую плоскую шкатулку. Открыв ее ногтем большого пальца, словно ключом, он показал короткий нож с роговой рукояткой. На рукоятке были вырезаны забитые животные, лежавшие вереницей, вцепившись зубами друг в друга, обвивая рукоятку ножа, со вспоротыми животами и перерезанными глотками; от этих грациозных животных, подкошенных смертью, веяло необычайной умиротворенностью.

- Рукоятку он тоже вырезал? - спросила Перл. - Он был очень хорош, да? То есть был настоящим художником, да?

- Нет, - Томас улыбнулся. - Это из Юкатана, Майско-тольтекского периода. Аарон был коллекционером. Ему нравились симпатичные вещи, необычные вещи.

- А его жена была необычной? Его Эмма.

- Аарон вступил мезальянс, женившись на ней, - сказал Томас.

Шелли улыбнулась через стакан. Перл ближе придвинулась к Уокеру.

- Дети скажут тебе, Эмма была ведьмой, - сказал Томас.

Перл уставилась на свежий напиток, который дал ей Уокер.

- Я не верю в ведьм, - сказала она.

- С чего бы тебе в них верить? - спросила Шелли.

- А как насчет привидений? - Томас снисходительно поднял брови.

Он смотрел на Перл с любопытством, с каким люди смотрят на занятого зверька.

- Я думала, у нас тут не детский час, - вздохнула Шелли.

- Многие мои корреспонденты верят в привидения, - сказала Мириам.

- Они живут в других странах, - возразила Шелли раздраженно.

- Привидениям нет хода в этот мир, так ведь? - спросила Перл. - То есть они его просто помнят, да?

Томас рассмеялся.

- Дети с тобой отлично поладят, Перл. Они обожают таинственное. Им нравится выдумывать свои истории.

- Мне ужасно не хочется думать о нашей истории в том виде, как ее могут рассказывать дети, - сказал Уокер. - Я вспоминаю только одну родственницу со странностями - одну тетку, которая хотела стать профессиональной боксершей.

- О боже, - сказал Томас. - Да.

- Здесь столько детей... - начала было Перл.

- Они приходят и уходят, - сказала Шелли. - Томас все время находит новых.

- Что ж, когда их так много, со всеми их днями рождения... Наверно, всегда есть повод для вечеринки...

От коктейлей Перл развеселилась.

- Мы отмечаем все их дни рождения в один день, - сказал Томас. - Так проще.

- Для тебя, возможно, - возразила Мириам. - Но это я должна печь пироги. Из них каждый может съесть по пирогу, клянусь, и всем подавай разноцветную

глазурь и разные формы...

- Ты это любишь, Мириам, - сказал Уокер.

- Когда мы уже будем есть? - сказала Шелли. - Мне завтра рано отчаливать, вы же знаете, а я еще не собрала ни единой вещи.

- Полагаю, ты намекаешь на ужин, - проворчала Мириам, - хотя сама никогда не ешь.

- Шелли нужна энергия, - сказал Томас. - Она едет в колледж за своим самцом.

- Ну ладно тебе, - Шелли покраснела.

- Выбирай такого, чтобы делал хороших детей, - сказал Томас.

Они перешли в столовую. Позвали детей, и все уселись за стол. Детские лица были вымыты, волосы - прилизаны. Дети вели себя культурно и обслуживали друг друга. Томас исполнял роль наставника. Между ними шел увлеченный разговор, суть которого ускользала от Перл. От напитков у нее кружилась голова, и ей было не по себе. Видя, как ребенок шести-семи лет в один момент носится как угорелый, а в следующий чинно сидит за обеденным столом и обсуждает формулы Майстера Экхарта о преодолении оков собственного «я», Перл чувствовала себя не лучшим образом.

Она вздохнула. Подняла вилку.

- Смотри, Перл, - сказал один мальчик.

Его звали Джонни. Его глаза казались старыми и уставшими, и в глубине их читалось странное разложение. Он подвинул к Перл по скатерти ракушку.

- Поднеси ее к уху.

- О, да, - сказала она, улыбаясь. - Я слышу океан. Слышу волны.

Ракушка была липкой и пахла сладким.

– А вот и нет. Ты слышишь свою кровь. Это звук твоей собственной крови, поющей у тебя в ушах.

Он взял ракушку и положил себе на колени. Его лицо нервно дернулось.

– Ну, – сказала Перл, – полагаю, что так.

К ней подседа рыжая девочка с довольно большим ртом. Она ела быстро, делая проворные аккуратные движения, и каждый раз прикладывала ко рту салфетку.

– Эмма забеременела и родила ребенка, который оказался не ее, – сказала она Перл.

«Дети, – подумала Перл, – какая у них сумятица в головах...»

– Если она родила ребеночка, он должен быть ее, – сказала Перл убежденно. – Мужчины иногда не знают, являются они отцом ребенка или нет, но мать должна знать.

Она кашлянула. Она чувствовала, что зашла куда-то не туда.

Дети по другую сторону стола смотрели на нее с интересом. И качали головами.

– Нет, – сказал мальчуган по имени Трип с длинным тонким лицом и родинкой на щеке. – Нет, ребенок Эммы был не ее.

Перл улыбнулась.

– Эмма – это кто-то из ваших фантазий, да?

– Нет, нет, Перл, – сказала рыжая девочка. – Она прабабка Уокера. И Томаса. И Шелли, и Мириам тоже.

- Ну что ж, - сказала Перл. - Так что же случилось с ребенком, который не был ее? Она ведь все равно его любила, правда?

Дети смотрели на нее с лукавым огоньком в глазах.

- Он вернулся, откуда пришел, - сказали дети хором.

«Как они мягко осмысляют смерть», - подумала Перл.

- Ох, это очень грустно, - сказала она.

Она опустила глаза и увидела в своей тарелке, под нетронутой едой, нарисованную рыбу, разевавшую пасть на нее.

- Когда Эмма умерла, никто не услышал знака, - сказала девочка постарше.

- Знака? Я не... какого еще знака?

- Знак - это такой звук, который говорит тебе, когда не стало кого-то, кого ты знаешь. Это может быть стук в дверь, а когда откроешь, там никого. А может быть крик совы, доносящийся из такого места, где нет никаких птиц. Таким способом люди дают тебе понять, что они умерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Болотистая местность на юге штата Флорида, буквально «болотистая равнина, поросшая травой». – Здесь и далее примеч. пер.

2

Английское выражение, означающее склонность к жестокости.

3

В английском имя Томас соответствует библейскому имени Фома.

4

В английском слово «Tupa» имеет несколько значений: тунец, плод кактуса нопаль и женские гениталии.

5

Англ. «Tracker» может означать следопыта, инспектора или буксир.

6

Англ. «Walker» может означать посыльного, скорохода или ходунки – букв. «тот, кто (то, что) ходит».

7

18 фунтов = 8,16 кг.

8

Марка американских прогулочных катеров.

9

Цитата из знаменитой в Америке книги для детей «История человечества» Хендрика Ван Лона, историка и журналиста (1882–1944).

10

Скульптурное (возможно, и живописное) изображение купидонов или херувимов в эпоху Ренессанса.

11

Все эти имена говорящие: Sweet – сладость, Pearl – жемчуг, Trip – рейс, бросок или психоделический трип (приход), имена Питер и Джон в английском соответствуют библейским Петру и Иоанну.

Купить: https://tellnovel.me/ru/uil-yams_dzhoy/podmenysh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)